

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПЕРВЫЙ ЗАМ ХРУЩЕВА ПО РОССИИ

В начале 1956 года Никита Хрущев, учитывая настроения общества, решил создать Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Он лично возглавил новый партийный орган. Однако текущее руководство созданным бюро советский лидер возложил на секретаря ЦК Николая Беляева. По сути, Беляев стал первым заместителем Хрущева по России.

Но откуда он взялся? Впервые Хрущев его оценил, когда началась кампания по освоению целины. Беляев в 1954 году обеспечил невиданные сборы урожая на Алтае. Вождь решил, что первый секретарь Алтайского крайкома — непревзойденный организатор и сможет дать такие же цифры и в других целинных регионах, поэтому перевел его в Москву, поручив курировать в ЦК сельское хозяйство.

Впрочем, восхождение Беляева началось намного раньше. Когда пришла Великая Отечественная война, страна столкнулась с угрозой потери одной из своих главных житниц — Украины. В плане хлебозаготовок заменить оккупированные немцами территории могла прежде всего Западная Сибирь. Однако расположенный на ее юго-востоке Алтай, на который возлагались особые надежды, вдруг забуксовал. Кремль обвинил в этом местное начальство. Кадровики не раз предлагали усилить руководство Алтайского крайкома и крайисполкома. В Барнауле эффективных управленцев не нашлось. Москвичи стали искать кадры в Новосибирске. Одной из таких находок оказался Беляев.

17 июля 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило:

Принять предложение Алтайского крайкома ВКП(б):

а) об освобождении т. Беляева Н. И. от работы заместителя председателя краевого Совета депутатов трудящихся, отозвав его в распоряжение Алтайского крайкома ВКП(б) (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 48).

Из этого решения следовало, что Николай Беляев являлся на тот момент заместителем председателя Алтайского крайисполкома. Но с 1930 года он жил и работал в Новосибирске. Видимо, в страшной суете первого военного месяца московские кадровики допустили опisku. Москва реально собиралась усилить Беляевым органы власти на Алтае, однако тяжелое положение на фронтах затормозило готовившиеся для Сибири кадровые решения. Аппаратчик остался

в Новосибирске, и никто не подумал об отмене соответствующего постановления Политбюро.

Энергичный руководитель Алтая

К кадровым проблемам Алтая Москва вернулась осенью 1942 года. Край в очередной раз сорвал планы по уборке урожая. На 10 ноября 1942 года хлеба было заготовлено на 29 миллионов пудов меньше, чем в 1941 году. Политбюро ЦК ВКП(б) 23 ноября 1942 года было вынуждено принять постановление с угрожающим названием «О плохом руководстве Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполкома хлебозаготовками». Первый секретарь крайкома В. Н. Лобков и председатель крайисполкома Н. А. Смердов получили по последнему предупреждению. Им обоим грозило исключение из партии и предание суду. Однако даже после таких страшных угроз дела в крае лучше не пошли. Лобков, чтоб не загреметь на нары, всю вину свалил на Смердова. В ЦК ВКП(б) тоже признали:

т. Смердов Н. А. еще в мирное время не охватывал всей работы, а в условиях войны с обязанностями председателя крайисполкома явно не справляется. Авторитетом в крае не пользуется (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 77 об.).

Отдел советских органов Управления кадров ЦК ВКП(б) 11 января 1943 года предложил заменить Смердова на Беляева.

«Беляев Н. И., — сообщили московские кадровики, — имеет опыт руководящей советской работы, проявил себя серьезным работником и инициативным организатором. С работой председателя крайисполкома справится» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 77 об.).

К этому предложению кадровики приложили справку на своего выдвиженца. В ней сообщалось, что Н. И. Беляев родился в 1903 году в селе Кутельва в Башкирии, в 16 лет стал председателем уездного комитета комсомола в Бирске и в 1921 году вступил в партию.

Дополнительным преимуществом Николая Беляева было наличие высшего образования. Причем он обучался не словоблудию, которое тогда подавалось как освоение политических наук. За его плечами была учеба в Московском институте народного хозяйства им. Плеханова. Он имел котиrowавшийся в высших советских инстанциях диплом экономиста-плановика.

Вызывал уважение и послужной список нашего героя. После института он два года проработал в Новосибирске инструктором Сибирского льносоюза. Потом ему предложили возглавить Омский окружной союз сельскохозяйственной кооперации по производству, сбыту и переработке зерновых, технических и масличных культур («Омполеводсоюз»). В 1929 году успешного чиновника перевели на аналогичную должность в Томске. Беляев вернулся в Новосибирск в 1930 году и за несколько лет дорос до должности председателя Новосибирского облпотребсоюза, с которой в начале 1941 года его забрали секретарем в Новосибирский обком ВКП(б) курировать

пищевую промышленность. Просекретарствовал он недолго — перед самой войной его утвердили первым заместителем председателя Новосибирского облисполкома.

Москва рассчитывала, что в Барнауле сложится прочный тандем Лобков — Беляев и дела пойдут в гору. Но Лобков надежд не оправдал. Перелома в сельском хозяйстве края не произошло. 20 июля 1943 года заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Андрей Андреев, опираясь на сводки партаппарата, доложил Сталину:

В этом году в сибирских областях ожидается неплохой урожай, а подготовка там к уборке серьезно отстает.

Просил бы Вашего согласия выехать мне в сибирские области для принятия надлежащих мер на месте по обеспечению уборки и предстоящих заготовок. Особенно необходимо заняться Алтайским краем, где у нас сидит слабый секретарь Лобков, явно не обеспечивающий руководства (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 35, л. 120).

Увиденное во время инспекционной поездки на Алтай привело Андреева в ужас. 19 августа 1943 года он по спецсвязи ВЧ продиктовал в Москву срочную депешу:

т. т. Сталину и Маленкову

Вместо т. Лобкова, которого надо освободить с поста первого секретаря Алтайского крайкома ВКП(б), предлагаю т. Беляева, ныне председателя Алтайского крайисполкома. Т <ов>. Беляев был до работы в Алтайском крае одним из секретарей Новосибирского обкома ВКП(б). Полгода тому назад он был для укрепления дел назначен председателем Алтайского крайисполкома и на этом посту показал себя энергичным, способным руководителем, пользующимся авторитетом, в чем я убедился, наблюдая его работу в течение своего пребывания в крае.

Вместо т. Беляева председателем Алтайского крайисполкома предлагаю назначить т. Корчагина, ныне второго секретаря Алтайского крайкома ВКП(б), до этого работал заместителем председателя Алтайского крайисполкома (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 89).

Беляев на новой должности полностью оправдал ожидания Андреева. При нем дела резко пошли в гору. В первую очередь увеличились сборы урожая.

Эти темпы удалось сохранить и после Великой Победы. В 1946—1950 годах край почти ежегодно сдавал государству сверх плана 12—15 миллионов пудов зерна. За это Политбюро включило первого секретаря Алтайского крайкома в наградные списки. Беляев был отмечен высшей правительственной наградой СССР — орденом Ленина.

В начале 1953 года секретарь ЦК КПСС Николай Пегов внес председателю Совмина СССР Иосифу Сталину предложение дать Беляеву в связи с 50-летием ордена Трудового Красного Знамени. «Тов. Беляев, — писал Пегов, — в годы Отечественной войны сумел обеспечить мобилизацию краевой партийной организации на решение задачи по значительному увеличению производства зерна, мяса и других сельскохозяйственных продуктов. На протяжении ряда лет Алтайский край является инициатором социалистического соревнования краев

и областей за увеличение урожайности и досрочную сдачу хлеба государству» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 6, л. 48).

Подброшенная Хрущеву идея освоения целины

В начале 1950-х годов пахотные угодья Алтая сильно истощились, что сказалось на урожаях. Тогда местное руководство обратило внимание на заброшенные целинные земли. В октябре 1953 года первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Николай Беляев и председатель крайисполкома Константин Пысин направили в Москву докладную записку. Они сообщили, что из одиннадцати миллионов гектаров сельхозугодий на Алтае под пашни освоено только чуть больше четырех с половиной миллионов. Остальные площади в основном использовались как пастбища и для заготовки сена.

«Наши подсчеты, — писали Беляев и Пысин, — подтверждают, что освоение целинных земель под посевы яровой пшеницы при проведении минимума агротехнических мероприятий позволит получить с каждого гектара 100—120 пудов зерна». Руководители Алтайского края просили у Москвы разрешения взяться за освоение новых земельных ресурсов. Тогдашний лидер КПСС Никита Хрущев посмотрел на инициативу алтайских начальников шире. Миллионы неиспользованных гектаров земли имелись в других регионах Западной Сибири и в Казахстане. Поскольку их обработка сулила дополнительно десятки миллионов тонн зерна, он дал команду готовить наступление по всему «целинному фронту».

Новая масштабная кампания была санкционирована в феврале 1954 года на Пленуме ЦК КПСС. Уже 1 марта Барнаул встречал эшелон из Москвы с первыми целинниками. Всего в 1954 году на Алтай из разных уголков страны прибыли для подъема пустошей свыше 20 000 человек. В связи с этим возникли новые проблемы. Этим людям надо было где-то разместить и чем-то накормить, их семьи нуждались в поликлиниках и школах.

6 декабря 1954 года Беляев и Пысин направили в Москву двухстраничную записку. Они попросили поручить каждому министерству взять шефство над конкретным районом или учреждением края с тем, чтобы создать в регионе инфраструктуру, способную удовлетворить запросы населения. В частности, алтайские начальники хотели, чтобы Министерство электростанций СССР приняло долевое участие в прокладке в Барнауле водопровода, Министерство автомобильного, тракторного и сельхозмашиностроения построило в Рубцовске за свои средства городской Дом пионеров, Минобороны проложило в Бийске трамвайные пути, а Минкультуры ввело в строй два кинотеатра — в Барнауле на 700 мест и в Бийске на 300 мест.

8 декабря 1954 года Никита Хрущев дал указание всем отделам ЦК: «Прошу Вас рассмотреть с заинтересованными министерствами записку Алтайского крайкома и крайисполкома и подготовить предложения» (РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 7, л. 84).

Большая часть министров попыталась отделаться обещаниями и, скорее всего, просьбы Алтая так бы и остались на бумаге. Но летом 1955 года Хрущев, довольный тем, что благодаря Николаю Беляеву на Алтае не только целину подняли, но и часть полей засеяли кукурузой, решил повысить алтайского руководителя.

Перевод инициатора целинной эпопеи в Москву

12 июля 1955 года главный алтайский начальник был избран секретарем ЦК КПСС. После этого отношение к Беляеву министров резко изменилось. В итоге столица края Барнаул, Рубцовск, Бийск и некоторые другие райцентры за короткий срок существенно обновили коммунальную и социальную инфраструктуру.

В качестве секретаря ЦК КПСС Н. И. Беляев получил в свое ведение прежде всего вопросы сельского хозяйства. Ему сразу же выделили в столице квартиру в престижном номенклатурном доме на Кутузовском проспекте, 26, где, в частности, жили будущие глава КГБ СССР Юрий Андропов и генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

Перевод Беляева в Москву проходил на сложном политическом фоне. Позиции Никиты Хрущева на партийном олимпе оставались неустойчивыми. Хотя он потеснил одного из главных конкурентов — Георгия Маленкова (тот лишился должности председателя Совета Министров СССР), другие представители «старой гвардии», прежде всего министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, продолжали сохранять сильное влияние.

Чтобы скомпрометировать потенциальных претендентов на верховную власть и если не удалить, то хотя бы задвинуть их на второстепенные роли, Хрущев придумал спектакль с развенчанием на XX съезде КПСС в феврале 1956 года бывшего вождя СССР Иосифа Сталина. Благовидным предлогом стало осуждение так называемого культа личности. Однако эта акция нашла среди партийных масс как сторонников, так и противников. Сразу после завершения съезда, чтобы хоть немного погасить недовольство сталинистов, Никита Хрущев на Пленуме ЦК 27 февраля 1956 года внес предложение о формировании нового партийного органа — Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Чтобы потрафить российским регионам

Идея создания в ЦК КПСС структуры, которая бы занималась решением проблем России, была не нова. Образованное в 1936 году Бюро ЦК ВКП(б) по делам РСФСР во главе с наркомом внутренних дел Николаем Ежовым не прижилось и было в 1937 году упразднено. После Великой Отечественной войны нечто подобное пытался возродить председатель Совета Министров РСФСР Михаил Родионов. Однако И. В. Сталин усмотрел в этом попытку сепаратизма. Позже бродившие среди партаппаратчиков идеи использовал Никита Хрущев. 13 января 1954 года он создал сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР. В мае

того же года лидер КПСС разделил отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС, выделив из его состава отдел парторганов ЦК по РСФСР. Нечто подобное Хрущев собирался осуществить также с отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. Но толку от полумер было немного. На полную реорганизацию партаппарата Никита Хрущев решился лишь на XX партсъезде. Но перед этим он заменил председателя Совета Министров РСФСР Александра Пузанова на более сговорчивого Михаила Яснова.

Глава правительства РСФСР был снят не лично Хрущевым, а руками других секретарей ЦК. Я нашел в архивах записку в ЦК КПСС по этому вопросу. Ее подписали 4 января 1956 года три секретаря ЦК. Первым свою подпись поставил главный идеолог партии Михаил Сулов, вторым — Николай Беляев, а третьим — курировавший административные органы ЦК КПСС и силовые структуры Аверкий Аристов. Вряд ли случайно фамилии под запиской о снятии Пузанова были указаны не по алфавиту. Их расположение указывало на негласную иерархию внутри ЦК КПСС.

На Пленуме ЦК КПСС Хрущев подал создание Бюро ЦК КПСС по делам РСФСР как желание предоставить Российской Федерации больше самостоятельности, прежде всего в решении хозяйственных задач и вопросов культуры. В реальности этот жест был чистейшим популизмом. Никаких существенных полномочий новому бюро не дали. Любое его важное решение подлежало утверждению Президиумом ЦК КПСС.

В Бюро ЦК КПСС по делам РСФСР вошли председатель Никита Хрущев, заместитель Николай Беляев и десять членов: новый председатель Совета Министров РСФСР Михаил Яснов, руководители двух отделов Бюро ЦК КПСС по РСФСР Виктор Чураев и Владимир Мыларщиков, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР Александр Пузанов, секретари региональных обкомов КПСС Иван Капитонов, Фрол Козлов, Николай Игнатов и Андрей Кириленко, а также два секретаря ЦК КПСС Аверкий Аристов и Петр Поспелов.

Для текущей работы дополнительно к отделу парторганов во главе с Виктором Чураевым и сельскохозяйственному отделу во главе с Владимиром Мыларщиковым в новом бюро было создано еще четыре подразделения: отделы пропаганды и агитации (заведующий Василий Московский), административных и торгово-финансовых органов (Александр Кидин), науки, школ и культуры (Николай Казьмин) и промышленно-транспортный отдел (Сергей Баскаков). Большинство новых руководителей были выдвиженцами Никиты Хрущева. С Чураевым и Московским Хрущев раньше работал на Украине, а с Кидиным и Мыларщиковым — в Московской области. Штат аппарата бюро составил 316 человек, включая 271 ответственного и 45 технических работников. Также Секретариат ЦК КПСС утвердил помощником Николая Беляева Алексея Павлюкова, который окончил Тимирязевскую академию, пять лет отпахал в одной из омских машинно-транспортных станций, а последний год заведовал сектором

организационно-колхозного строительства в сельхозотделе ЦК КПСС по союзным республикам.

Первые шаги бюро

Первое заседание нового Бюро ЦК КПСС по РСФСР состоялось 10 марта 1956 года. Работа началась с создания своего печатного органа. Разработкой концепции нового издания занимался завотделом пропаганды бюро Василий Московский, чью работу курировал заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Федор Константинов. Два партаппаратчика доложили:

Предполагаемое название газеты:

1. «Советская Россия»
2. «Советское знамя»
3. «Знамя Советов»

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считает, что газету следовало бы назвать «Советская Россия», так как это название точно отражает и политическую форму власти в республике и ее территориально-географическое расположение. Другие названия, в которых не присутствовало бы слово «Россия», совершенно обезличили бы газету. Такую же мысль высказывали в беседах многие партийные и газетные работники. Следует заметить, что оба этих признака отражены в названиях всех наших республиканских газет: «Советская Украина», «Советская Белоруссия», «Советская Армения», «Советская Латвия» и т. д. (РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 136, л. 4).

Николай Беляев, хоть и считался главным замом Никиты Хрущева по России, брать на себя всю полноту ответственности за выбор названия печатного органа бюро не стал. На докладной записке Московского и Константинова он поставил резолюцию:

тов. Суслову М. А.
Я за «Советскую Россию».
Прошу рассмотреть и принять.
Н. Беляев.
29/III.

Какие еще темы рассматривало Бюро ЦК КПСС по РСФСР? Какая-либо системность в работе этого органа отсутствовала. Бюро хваталось за все, но мало что доводило до логического конца.

Приведу конкретный пример. Еще в 1955 году группа ученых сообщила в ЦК КПСС о серьезных ошибках в практике хозяйственного и национально-культурного строительства в районах Крайнего Севера, в результате чего малочисленные этносы оказались в очень сложном положении. В 1920—1930-е годы многими проблемами бывших таежных и тундровых племен занимались то Комитет Севера, то Главсевморпуть, позже эта тематика отошла в ведение управления Крайнего Севера Минсельхоза России, которое в конечном итоге было ликвидировано. Ученые предложили пересмотреть подходы к переводу кочевого населения на оседлость и отменить процесс укрупнения колхозов в отдаленных таежных районах. Ибо только

традиционные промыслы позволяли сохранить быт, культуру и языки этих этносов. Беляев дал поручение подготовить постановление о мерах по развитию экономики и культуры народностей Севера. Первый проект документа бюро рассмотрело 3 сентября 1956 года, но ни одно ведомство его не согласовало. Процессы переписывания и редактуры материалов затянулись до весны 1957 года.

В итоге все, что касалось материальной поддержки малочисленных народов Севера России, изучил первый зампред Госэкономкомиссии Совмина СССР по текущему планированию народного хозяйства Алексей Косыгин. Главный советский экономист изыскал средства на развитие оленеводства и традиционных промыслов коренного населения Севера. Однако за политическую часть вопроса отвечал Николай Беляев. Он продемонстрировал непонимание образа жизни народов Севера. Ратуя за ускоренный переход народов Севера на оседлый образ жизни, он, по сути, подрывал основы существования десятков малочисленных этносов и подталкивал их к ассимиляции.

Постановление о народах Севера принималось не на уровне бюро, а на заседании Президиума ЦК КПСС. Оно не только не решило большинства проблем малочисленных этносов, а загнало их в тупик. В частности, государство отказалось от кочевых школ и свело к минимуму преподавание национальных языков в районах проживания малочисленных этносов.

Приведу другой пример бессистемности работы бюро. В начале 1957 года обострились проблемы, связанные с возвращением на историческую родину чеченцев и ингушей из Средней Азии, куда их несправедливо депортировали в Великую Отечественную войну. С одной стороны, людей побуждали продавать за копейки или отдавать даром нажитое в Средней Азии имущество. С другой — местные власти были не в состоянии обеспечить переселенцев транспортом для возвращения на Северный Кавказ. Им приходилось неделями под открытым небом дожидаться эшелонов, а потом долго ехать в непригодных для пассажирских перевозок грузовых вагонах. Да и на родине репатриантов ждало немало трудностей.

8 апреля 1957 года Николай Беляев внес в ЦК КПСС записку о мерах по предотвращению неорганизованности в переселении чеченцев и ингушей (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 647, лл. 84—85). Его предложения касались не создания нормальных условий для возвращения репрессированных народов в родные края, а... предотвращения неорганизованных переселений. Неужели Беляев не понимал, что люди устали ждать и любое затягивание процесса их возвращения на историческую родину будет воспринято болезненно?

Однако Никита Хрущев продолжал связывать с Николаем Беляевым большие надежды. Он рассчитывал, что тот сможет закрепить успехи в сельском хозяйстве СССР. Но вскоре Беляев пригодился для другого.

В начале лета 1957 года остатки старой «сталинской гвардии» объединились, чтобы сместить Хрущева. Его власть висела на волоске. Пока среди многих других выдвиженцев Хрущева царили колебания, Николай Беляев не дрогнул и вступил в борьбу за босса. Первым, на кого он обрушился, оказался засомневавшийся секретарь ЦК КПСС Дмитрий Шепилов. «Думаю, — бросил Беляев Дмитрию Шепилову на июньском Пленуме ЦК КПСС, — что твоя голова в политике действительно дурная» (из сборника «Молотов. Маленков. Каганович. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы», М., 1998). Тогда с легкой руки Николая Беляева в народ пошла фраза: «...и примкнувший Шепилов». За вклад в отстаивании Никиты Хрущева перед остатками «старой гвардии» Беляев в июне 1957 года был, минуя кандидатский уровень, введен в состав Президиума ЦК КПСС.

Инерция, переросшая в застой

После нового назначения свои обязанности в Бюро ЦК КПСС по РСФСР Николай Беляев исполнял скорее по инерции, нежели по желанию. В частности, он формально отнесся к созданию в России творческих союзов. Решений на сей счет он завизировал немало. Приведу лишь некоторые.

22 мая 1957 года он подписал постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О создании оргкомитетов писателей, художников и композиторов по Российской Федерации» (РГАНИ, ф. 13, оп. 1, д. 27, л. 30). Спустя три месяца, 24 августа 1957 года, Николай Беляев и Петр Поспелов внесли в Президиум ЦК КПСС записку «О составе Оргкомитета Союза писателей РСФСР» (РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 190, л. 49). Наконец, 4 декабря 1957 года бюро под его председательством рассмотрело вопрос о создании новой газеты «Литература и жизнь» и о назначении главным редактором этого издания Виктора Полторацкого, но отложило документы о создании писательского издательства «Современник».

Однако ни с кем из деятелей культуры у Беляева личные отношения не выстроились. В искусстве он разбираться не научился. На первом месте у Н. И. Беляева продолжали стоять вопросы сельского хозяйства.

Но и здесь стало возникать все больше проблем. В первые два года освоения целинные земли дали рекордный урожай зерна, затем начался закономерный спад. В результате в 1957 году в ряде регионов случились недороды.

Руководство ЦК КПСС поручило Беляеву «взбодрить» целинные регионы РСФСР. Выполняя это задание, зам Хрущева по России отправился в инспекционную поездку в Сибирь. Однако одними идеологическими накачками местных начальников получить большой урожай зерновых не удалось.

По возвращении в столицу Николай Беляев доложил Никите Хрущеву: необходимо срочно перебросить в Сибирь несколько тысяч автомашин и командировать туда рабочую силу. Кроме того, он

предложил продумать меры по дополнительному освоению в Сибири целинных земель. Президиум ЦК КПСС эти предложения одобрил. Но нужного эффекта по итогам уборочной кампании Сибирь так и не дала.

Когда Хрущев стал искать виновных, один из приближенных — Владимир Мыларщиков — намекнул вождю, что за провалы следует спросить с Беляева, отношения с которым у упомянутого завсельхозотделом Бюро ЦК КПСС по РСФСР за два года совместной работы не сложились.

Не заладились у Николая Беляева отношения и с другим любимчиком Хрущева — заведомом парторганов Бюро ЦК КПСС по РСФСР Чураевым. Во-первых, этот партаппаратчик часто прикладывался к стопочке. Во-вторых, не всегда объективно оценивал региональных руководителей. Например, осенью 1957 года он вдруг ополчился на первого секретаря Магаданского обкома Тихона Абабкова. Чураев обвинил магаданского начальника в срыве планов по добыче золота и предложил заменить его на председателя облисполкома. Беляев не был уверен в справедливости суждений подчиненного, поэтому не стал спешить с вынесением вопроса об Абабкове на Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Чураева это задело, и он побежал жаловаться к Хрущеву.

Осенью 1957 года у главы бюро осложнились отношения и с Аверкием Аристовым, который, видимо, устал находиться в тени своего начальника. Беляеву бы на время притаиться. Однако он козням подчиненных значения не придал и вылез с новыми, на этот раз политическими, инициативами. 23 ноября 1957 года он посмел письменно напомнить Н. С. Хрущеву о существовавшей ранее в Президиуме ЦК КПСС традиции направлять членов высшего партийного руководства для участия в региональных партконференциях.

«Следовало бы, — заявил Беляев вождю, — эту практику широкого общения членов ЦК с местным активом возродить» (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 36, л. 113).

К этому письму Николай Беляев приложил графики проведения партконференций в регионах России. Никита Хрущев, получив это обращение, вспылал. Ему уже давно никто не указывал, что делать. А тут еще Мыларщиков продолжал стучать на Беляева.

Хрущев пошел на полумеры. С одной стороны, он в конце 1957 года возвратил в Москву с должности первого секретаря Горьковского обкома КПСС Николая Игнатова, бывшего после смерти И. В. Сталина в опале. После чего сделал его секретарем ЦК и поручил курировать вместо Н. И. Беляева сельское хозяйство. С другой стороны, партийный лидер не стал спешить с освобождением Беляева от обязанностей секретаря ЦК, а лишь вывел из состава Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Главная интрига была в том, что Никита Хрущев предложил перебросить Беляева в Алма-Ату. Свою идею он объяснил 17 декабря 1957 года на Пленуме ЦК КПСС так:

Мы считаем, что сейчас настолько повысились роль и значение Казахской республики и в области промышленности,

и сельского хозяйства, и животноводства, и политическая роль, что следует подкрепить казахское руководство, усилить его. Тт. Яковлев (первый секретарь ЦК КП Казахстана. — В. О.) и Кунаев (предсовмина республики. — В. О.) работают хорошо, они стараются, но все-таки мы считаем, работа еще не находится на должном уровне, в результате чего мы не получаем всего того, что может дать Казахская республика.

Для информации пленума сообщаем, что есть предложение рекомендовать тов. Беляева первым секретарем ЦК КП Казахстана, тов. Яковлева — вторым секретарем там же, и тов. Кунаев остается на своем посту председателя Совета Министров.

Вот такие перестановки.

По сути, ссылка в Казахстан

Логично предположить, что раз Николая Беляева переводят из Москвы в Алма-Ату, он сдаст пост секретаря ЦК КПСС. Хрущев поначалу намеревался лишить Беляева секретарства. Он сообщил Пленуму ЦК КПСС: «Тов. Беляеву, видимо, не следует совмещать секретарство там (в Казахстане. — В. О.) и здесь (в ЦК КПСС. — В. О.)». Но в последний момент Никита Сергеевич все переиграл и предложил сначала дожидаться Пленума ЦК КП Казахстана, на котором планировалось избрание Беляева первым секретарем, а потом вернуться к вопросу, оставлять ли Беляева секретарем ЦК КПСС.

По словам Никиты Хрущева, его задумки были согласованы с Иваном Яковлевым и Динмухамедом Кунаевым. Однако Яковлеву вряд ли улыбалась перспектива перехода с должности первого секретаря на пост второго секретаря ЦК КП Казахстана и работа под началом Беляева. В начале 1940-х они уже работали вместе: один — секретарем Новосибирского горкома партии, другой — первым зампредом Новосибирского облисполкома. Но что-то у них не сложилось.

Не случайно сразу после завершения Пленума ЦК КПСС, на котором были озвучены планы кадровых перестановок в Казахстане, Яковлев стал ходить по высоким кабинетам и просить рассмотреть другие варианты его трудоустройства. Уже 20 декабря 1957 года секретари ЦК КПСС Михаил Суслов и Леонид Брежнев прислали в Кремль следующую записку:

На рассмотрение Президиума ЦК КПСС вносится предложение об использовании секретаря ЦК Компартии Казахстана тов. Яковлева И. Д. на руководящей партийной работе в одной из областей Российской Федерации, в связи с чем предлагается отозвать его в распоряжение ЦК КПСС (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 150, л. 139).

В итоге Яковлев получил назначение в Ульяновск, где добился высоких урожаев и 16 января 1960 года был награжден вторым орденом Ленина. Тогда как Николай Беляев вылетел в Алма-Ату. Там выборы прошли 26 декабря 1957 года. Приведу фрагмент стенограммы Пленума ЦК КП Казахстана:

Председательствующий т. КУНАЕВ. <...> Приступим ко второму вопросу. Слово имеет т. Беляев.

БЕЛЯЕВ. Речь идет о первом секретаре ЦК КП Казахстана. На пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич сказал, что уровень руководства бюро ЦК КП Казахстана следует повысить. Президиум ЦК КПСС обращается к вам, к пленуму, с предложением избрать нового первого секретаря ЦК КП Казахстана из состава членов Президиума ЦК КПСС. Собственно, я должен себя рекомендовать. (Продолжительные аплодисменты.)

Мне в феврале будет 55 лет. Родился в Башкирии, в крестьянской семье. С 16 лет я начал заниматься политической деятельностью. В комсомоле — с 1919 года. На руководящей работе с 1921 года, на руководящей партийной работе работаю более 20 лет. Где я работал, вы об этом знаете. Если вы меня поддержите, то будем работать. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. КУНАЕВ. Я должен сказать, бюро ЦК КП Казахстана рассмотрело предложение Президиума ЦК КПСС, с большим удовлетворением принимаем его и выражаем свою глубокую признательность Президиуму ЦК за его заботу о дальнейшем подъеме уровня партийной работы в Казахстане. Президиум ЦК КПСС рекомендует на пост первого секретаря ЦК компартии Казахстана опытного государственного деятеля, члена Президиума ЦК, секретаря ЦК КПСС Николая Ильича Беляева. Я думаю, что члены ЦК компартии Казахстана единодушно поддержат рекомендацию Президиума ЦК КПСС и решение бюро ЦК компартии Казахстана. (Аплодисменты.)

Бюро ЦК вносит предложение избрать первым секретарем ЦК компартии Казахстана т. Беляева Николая Ильича. Какие будут предложения?

ГОЛОСА. Голосовать.

Председательствующий т. КУНАЕВ. Кто за то, чтобы избрать первым секретарем ЦК компартии Казахстана т. Беляева, тех прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Нет. Тов. Беляев избирается первым секретарем ЦК компартии Казахстана единогласно. (Аплодисменты.)

БЕЛЯЕВ. Спасибо, товарищи, будем работать вместе (РГАСПИ, ф. 17, оп. 57, д. 212, лл. 128—130).

Что тут важно подчеркнуть? Беляев после переезда в Алма-Ату сохранил за собой в ЦК КПСС две функции. Во-первых, остался членом Президиума ЦК КПСС. Во-вторых, Хрущев не стал настаивать на его выводе из состава Секретариата ЦК КПСС.

С первой функцией все более-менее понятно. Хрущев тем самым подчеркнул возросшую роль Казахстана для Советского Союза. С другой стороны, он как бы подтвердил, что в столице, несмотря на интриги Мыларщикова и Чураева, по-прежнему ценят Беляева и рассчитывают на его организаторские способности, надеясь добиться резкого увеличения сборов урожая, в том числе за счет начала второго масштабного этапа освоения целинных земель.

А что со второй функцией? Наверняка Хрущев понимал, что Беляев не сможет каждую неделю летать из Алма-Аты в Москву на заседания Секретариата ЦК КПСС. Возможно, ему в голову пришла новая модель управления партией и Беляев должен был помочь ее обкатать. Новшество могло заключаться в более активном привлечении к решению текущих партийных дел на уровне ЦК КПСС руководителей регионов. Практики-регионалы должны были иметь возможность оперативно поправлять сидевших в Москве теоретиков.

Секретари ЦК, работавшие в глубинке, таким образом держали бы в тунусе своих московских коллег и вовремя пресекали образование внутрипартийных группировок. Не забудем, что после устроенного летом 1957 года Маленковым и Молотовым демарша Никита Хрущев опасался повторения выпадов против себя и выстроенной им системы власти.

Казахстанские проекты опального партаппаратчика

С чем Николай Беляев столкнулся в Казахстане? Экономика в республике явно хромала. Одни регионы развивались как скотоводческие. Там преобладали патриархальные настроения и уровень образования населения был очень невысок. Местным кадровикам зачастую было не из кого подбирать кандидатов даже на посты секретарей райкомов. Другие регионы жили в основном за счет построенных всей страной заводов, но там имелся дефицит жилья и социальной инфраструктуры. О комплексном развитии Казахстана республиканское начальство не задумывалось.

Беляев попробовал наладить системную работу и начал с подготовки кадров для низовых звеньев. В большинстве сельских районов Казахстана ситуация в этом плане сложилась аховая. Приведу цифры. В 192 сельских районах республики должности секретарей райкомов и председателей райисполкомов занимали 744 человека. Из них только 31 человек имел высшее и 73 — среднее образование. Остальные закончили в лучшем случае семилетку (цифры взяты из материалов дела № 1113, включенного в 16-ю опись 4-го фонда РГАНИ).

Н. И. Беляев попросил Москву помочь организовать в Алма-Ате хотя бы разовые курсы по вопросам партработы и набрать на них 150 специалистов сельского хозяйства с тем, чтобы потом из их числа избрать секретарей райкомов.

Потом Беляев взялся за диверсификацию экономики в зерновых областях республики и выбил для них средства с целью создания серьезной животноводческой базы.

Стоит отметить еще три масштабных начинания Николая Беляева. В августе 1958 года он забил тревогу по поводу резкого сокращения уловов рыбы в Урало-Каспийском бассейне. Если в 1931 году там рыбодобыча составляла 1 620 тысяч центнеров, то в 1957 году она чуть превысила полмиллиона центнеров. По этой причине он инициировал рассмотрение на Секретариате ЦК КПСС проекта по развитию в Казахстане рыбной промышленности. Руководитель Казахстана просил деньги на мелиоративно-рыболовные мероприятия и береговое строительство в бассейне Аральского моря и на озере Балхаш, закупку мощных холодильных емкостей и оборудования для цехов по переработке рыбы. По его мнению, только эти меры могли позволить довести уловы рыбы в 1965 году с 500 до 1 800 тысяч центнеров. Однако отраслевые отделы ЦК КПСС и руководители

Госплана сообщили, что на осуществление данных проектов потребуется увеличить капиталовложения на 300—315 миллионов рублей в сравнении с тем, что уже предусмотрено в контрольных цифрах на 1959—1965 годы (РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 550, л. 127). В итоге республика мало что получила.

Более удачными оказались проекты Беляева по ускоренному созданию в Казахстане строительной индустрии. В частности, по развитию цементной промышленности. Глава республики бросил крупные силы на ввод новых мощностей по производству цемента в Семипалатинской, Чимкентской и Карагандинской областях. Если в 1957 году Казахстан дал 632,8 тысяч тонн цемента, то в 1958 году — уже 830,3 тысячи тонн, а в 1959-м планировалось выпустить 1 680 тысяч тонн. Успешным оказался и третий проект — газификация Алма-Аты за счет привозного газа из Башкирии.

12 ноября 1958 года очередной фаворит Хрущева и фактически второй на тот момент человек в партии Алексей Кириченко предложил на Пленуме ЦК КПСС поменять статус Беляева. Было принято постановление:

В связи с избранием секретаря ЦК КПСС т. Беляева Н. И. первым секретарем ЦК КПСС Казахстана и невозможностью ввиду этого принимать постоянное участие в работе Секретариата ЦК КПСС, освободить члена Президиума ЦК КПСС т. Беляева Н. И. от обязанностей секретаря ЦК КПСС (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 15, л. 52).

Были ли сбои в работе Н. И. Беляева? Случались ли ошибки? Не без этого. Об одной из них рассказала в своих мемуарах назначенная летом 1958 года заместителем председателя Совета Министров Казахской ССР Зауре Омарова. В книге «Истоки» она писала:

Помнится одно заседание бюро ЦК КПК, 1 секретарь тов. Беляев объявил повестку дня. Это был вопрос о коневодстве в Кегенском районе Алма-Атинской области. Присутствовали все члены бюро, в том числе Бейсебаев М. Б. Пригласили также всех членов бюро Кегенского райкома во главе с первым секретарем райкома партии тов. Жубандыковым. В ходе обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня, тов. Беляев сообщил, что в этом районе сильно выросло поголовье лошадей, а секретарь райкома в этом не видит недостатка. Район не нуждался в увеличении поголовья лошадей, т. е., как он выразился, эти животные только протравляют государственные земли, пашни и посевы. Мне показалось, что все присутствовавшие были удивлены подобным заявлением. Особенно поразило, как сильно Беляев за это ругал Жубандыкова <...>. Чувствовалось, что его поведение объяснялось давлением со стороны Москвы.

Как оказалось, Хрущев одно время не любил лошадей и видеть не мог мяса конины. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана это знал и, когда запрещал хозяйствам Алма-Атинской области заниматься коневодством, рассчитывал угодить вождю.

Однако далеко не все в республике зависело только от него. Скажем, промышленное развитие Казахстана серьезно тормозил недостаток энергетических мощностей. Улучшить ситуацию в этом

плане мог бы ввод Капчагайской гидроэлектростанции. Но Москва очень долго откладывала начало работ на этом объекте.

Николай Беляев затеял в Казахской ССР смещение неугодных ему руководителей. Под ударом оказались руководители, стоявшие у истоков освоения казахстанской целины. В частности, под удар попали первый секретарь Кустанайского обкома Иван Храмков, второй секретарь республиканского ЦК Николай Журин и завсельхозотделом ЦК КПК Забежанский. А ведь они пользовались поддержкой когда-то работавшего в Казахстане члена Президиума ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Не устроил Беляева и председатель КГБ Казахстана Владимир Губин. Он добился от главного чекиста страны Александра Шелепина отстранения Губина от должности.

Но если большинство пострадавших нападки Н. И. Беляева проглотили, то Губин устроил скандал. Летом 1959 года бывший председатель КГБ Казахстана направился в Москву, где доложил: «В работе тов. Беляева как первого секретаря ЦК много излишней самоуверенности и некритической оценки положения дел в республике» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 157, л. 55).

Первым из высокопоставленных республиканских функционеров Губин обратил внимание и на допускаявшиеся в Казахстане при Беляеве перекосы в национальной политике. Он приводил такой пример. Население Казахстана на тот момент составляло 9 миллионов 300 тысяч человек. Доля казахов достигала 30 %, но в политической жизни республики приоритет отдавался казахам. В Верховном Совете СССР Казахстан представляли 50 депутатов, 40 из которых являлись казахами. Он считал, что интересы русского населения зажимались.

Однако Москва не придавала значения доводам Губина. По настоянию Николая Беляева того отозвали из Алма-Аты, а потом направили работать в Пензу.

Темиртауская кровавая драма

Стабильность в Казахстане чуть не подорвали события 1 августа 1959 года. Вечером того дня в Темиртау пришедшие после смены в палаточный городок молодые строители металлургического комбината столкнулись с отсутствием воды. Кроме того, люди устали терпеть перебои в снабжении продовольствием и жить в палатках. Их терпение лопнуло. Начались драки и грабежи. Местная милиция оказалась бессильной. Драки переросли в массовые беспорядки, которые продолжались три дня.

Напуганные протестом власти обратились за помощью к военным. В Темиртау были введены танки. В результате подавления беспорядков 11 человек погибли, 32 были ранены и 109 задержаны. Пострадавшие были и среди солдат, но это не афишировалось. «Подобные дела, — рассказывала Омарова в своей книге «Истоки», — тщательно скрывались от общественности». Она признавалась: «О том, что в людей

стреляли, я узнала в восьмидесятые годы». А ведь Омарова входила в состав руководства Казахстана.

Дальше началось следствие. От Москвы за него отвечал Леонид Брежнев. 25 сентября 1959 года в Москве собрался Президиум ЦК КПСС. Беляев своей вины за случившееся в Темиртау не признал. По его мнению, во всем были виноваты руководители Карагандинской области. Однако такой исход дела устроил не всех.

В Москве развернулась подковерная борьба за передел полномочий. Одна группа добивалась ослабления второго в партии человека — секретаря ЦК КПСС Алексея Кириченко. Другая проталкивала наверх Леонида Брежнева. А ведь существовали и прочие группы. Голос Беляева мог при определенных обстоятельствах стать решающим, а это не отвечало интересам ни Кириченко, ни Брежнева. По их мнению, Беляева следовало с политического поля убрать.

На очередном заседании Президиума ЦК в октябре 1959 года неожиданно для Николая Беляева прозвучало, что власти Казахстана так и не сделали из драматических событий в Темиртау необходимых выводов. В Кремле считали, что надо «обратить внимание бюро ЦК КП Казахстана: в п. 1 <постановления> отметить, что не дали глубокой оценки событий, не сделали выводов и после событий, не приняли мер к исправлению создавшегося положения» (РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 1010, л. 31).

Какие же надо было делать выводы? Если вопросами снабжения работников строек водой, продовольствием и жильем ведал Совет Министров Казахской ССР во главе с Кунаевым, значит, наказывать в первую очередь следовало его. Незадача в том, что последний был личным другом Брежнева, чей политический вес в Кремле к тому времени сильно возрос.

Не дорос до политического деятеля

Н. И. Беляев понял, что кресло под ним зашаталось. Отставок руководителей Карагандинской области оказалось недостаточно. Надо было принести в жертву управленцев более высокого ранга. Отдать Кунаева — значит поссориться с Л. И. Брежневым и забыть о возвращении в Москву. Поэтому Беляев все стрелки перевел на секретаря ЦК Компартии Казахстана по промышленности Ибрагима Тажиева. По его предложению этого партаппаратчика исключили из КПСС.

Возможно, на этом бы все и закончилось. Но вскоре в Кремль пришли сводки о результатах уборки зерновых. Впервые с начала освоения целины Казахстан в 1959 году не выполнил план по хлебозаготовкам. Вместо ставших привычными 900 миллионов пудов зерна республика сдала в закрома Советского Союза только 700 миллионов пудов. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана в качестве оправдания сослался на непогоду. В этом году в республике очень рано выпал снег, что отрицательно сказалось на уборочной кампании.

Но Никиту Хрущева эти объяснения не тронули. Он не знал, чем кормить страну.

К слову сказать, в 1959 году урожаи упали не только в Казахстане. Положение дел в сельском хозяйстве страны становилось угрожающим. Хрущев даже вынужден был по этому поводу собрать Пленум ЦК. Выступивший на Пленуме Н. И. Беляев звучал неубедительно, чем окончательно настроил против себя первого секретаря ЦК КПСС.

Масла в огонь подлило и письмо Никите Хрущеву обиженного Тажиева, который напомнил о прежних прегрешениях Беляева. В частности, он сообщил, что Беляев начал свою работу в Казахстане с того, «что выдвинул новую теорию, которая гласила, что целина служила стране всего лишь год. Поэтому нечего, мол, заниматься сейчас парами, всю площадь надо засеять и брать хлеб количеством засеянной площади» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 157, л. 72).

Любопытно, что рассмотрением письма Тажиева Хрущев поручил заняться Брежневу. Искушенные в интригах партаппаратчики предложили ему: «Леонид Ильич! Может быть, это <письмо> пустить вкруговую» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 157, л. 66). На партийном сленге это означало ознакомить с девятистраничным письмом Тажиева всех членов Президиума ЦК. Целью данной процедуры было сформировать общее мнение — Беляев плох и его следует из Казахстана убирать.

Однако единства по этому вопросу в высших партийных кругах достичь не удалось. Видимо, какая-то из группировок внутри ЦК КПСС была заинтересована в сохранении Беляева. Не потому, что он представлялся ей бесценным управленцем, а чтобы иметь в Президиуме ЦК лишний голос в предстоявшем переделе власти. Что этот передел неминуем, в верхах никто не сомневался. В конце 1959 года наблюдалось ослабление позиций Кириченко и усиление Брежнева.

О том, что Николай Беляев на тот момент в верхах не сбрасывался со счетов, свидетельствовало продолжение его участия в кадровых делах. Если б он оказался в опале, искушенные в интригах московские аппаратчики отстранили бы дожидавшегося отставки чиновника от подбора номенклатурных сотрудников. Однако в самом конце декабря 1959 года Беляев подписал записки в ЦК КПСС с просьбами об утверждении новым министром строительства Казахской ССР Василия Прокопенко и заместителем председателя Карагандинского совнархоза Михаила Давыдова.

Оставление Беляева в правящей обойме не совпадало с интересами Леонида Брежнева. Он ожидал, что первый секретарь ЦК КПСС именно ему передаст от поверженного Кириченко неформальный пост второго секретаря ЦК КПСС. Чтобы мечта стала явью, Брежневу нужно было заручиться поддержкой глав республик и регионов. Беляев в этом вопросе мог спутать ему карты. Поэтому Леонид Ильич продолжил свою игру. Сразу после празднования Нового 1960 года он вызвал руководство Казахстана в Москву.

«Оказывается, — вспоминала Зауре Омарова, — нас ждали здесь на Секретариате ЦК КПСС. Началось заседание, вел его тов. Брежнев Л. И. Он объявил повестку секретариата. Это был вопрос о тов. Беляеве Н. И. — секретаре ЦК КП Казахстана. Брежнев Л. И. коротко изложил суть рассматриваемого вопроса о Беляеве, о недостатках его работы. Подвергнув резкой критике работу Беляева в качестве 1-го секретаря ЦК КПК, Брежнев велел всем присутствующим, в том числе и нам, высказаться по этому вопросу <...>. Все в его адрес высказывались отрицательно, в том числе и Кунаев, и Тажиев, и Ташенов, и Мельник. Я еще не высказывалась, но думала, о чем же я должна говорить, если за Беляевым не замечала ничего плохого, неправильного в его работе?»

Но Л. И. Брежнев вызвал руководителей Казахстана в Москву не для того, чтобы проанализировать успехи и недостатки в работе Н. И. Беляева. Ему было нужно внушить руководству республики идею о необходимости замены в Алма-Ате главного начальника.

Вскоре после Секретариата ЦК КПСС 7 января 1960 года состоялось заседание Президиума ЦК. Брежнев доложил, что руководство Казахстана выразило недовольство Беляевым. После такого партчиновнику оставалось только каяться. Николай Беляев заявил: «Я, видно, не дорос до деятеля большого плана. Просил бы верить, что я старался. Мне казалось, что работа идет напряженно, актив поддерживает».

Вероятно, Беляев надеялся, что Никита Хрущев в благодарность за годы верной службы даст ему шанс и не снимет с работы. Но Хрущева уже успел обработать Брежнев. Именно он, когда Николай Беляев закончил покаянную речь, предложил заслушать других руководителей Казахстана. Никто из них не сказал о нем ничего хорошего.

В результате Никита Хрущев согласился, что Беляева следует из Казахстана убрать. «Посылали т. Беляева, — признался он, — надеялись, переоценили <...>. Т. Беляев недостаточно подготовлен, был грубый подход, более гибкий ум нужен».

В вопросе, чей именно ум может подойти, Хрущев засомневался. Он уловил, что Брежнев продвигал Кунаева и что не всех устроило бы такое решение. В какой-то момент первый секретарь ЦК КПСС готов был рассмотреть на пост первого секретаря ЦК Казахстана даже кандидатуру Л. И. Брежнева. Окончательное решение 7 января 1960 года на Президиуме ЦК так и не было принято. Лидер КПСС до последнего гадал, кого направить в Алма-Ату — Игнатова, Брежнева или Школьников из Волгограда? А если назначить Кунаева, то кого к нему приставить «комиссаром» — Родионова из Ленинграда или Воронова из Оренбурга?

Заметив нерешительность Никиты Хрущева, Леонид Брежнев после заседания Президиума ЦК попытался добавить идею с кандидатурой Кунаева и в конце концов получил от вождя карт-бланш. 19 января 1960 года Брежнев прилетел в Алма-Ату и сразу собрал Пленум ЦК

КП Казахстана. На нем продолжилось публичное избиение Беляева, а тот продолжил каяться.

«По-видимому, — сообщил он, — я не дорос до политического деятеля большого плана. Я переоценил свои силы и вовремя не увидел свои слабости. Руководить — это значит и отвечать. А я вдвойне, втройне отвечаю, поскольку я представлял здесь Центральный Комитет, его Президиум. Мои ошибки объясняются тем, что у меня не хватило сил и умения, а не тем, что я не хотел работать, как говорили, ленился. Вы все меня знаете, я трудился, много отдавал сил. Но этого мало. Надо обладать качествами большого, крупного руководящего партийного работника. И первое качество, которое я, по-видимому, не имел, — это связь с людьми, с вами, с активом, с коммунистами, с рабочими и колхозниками.

В такой сложной, национальной республике я работаю впервые. Учитывая это, мне надо было больше работать над собой. Для вас не секрет, что я промышленности не знаю. Значит, надо было учиться, надо было слушать, читать, у меня для этого возможности были».

Брежнев добавил: «Я хотел бы сказать и наше мнение в Президиуме <ЦК КПСС>, что т. Беляев не сумел обеспечить руководство такой крупной организацией, не сумел объединить усилий бюро ЦК, Совета Министров, обкомов партии на решение таких крупных задач, которые решает Казахстанская партийная организация, и не оправдал себя на таком большом посту.

Я думаю, что и он правильно оценил свои недостатки. На Президиуме ЦК и здесь он сказал, что основной причиной его ошибок и недостатков является, видимо, то, что он не дорос, переоценил себя. Общее мнение, как будто бы, единое — освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК компартии Казахстана».

Таким образом, на должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана был избран Кунаев. Хотя в том, что случилось в Темиртау, он был повинен не меньше, чем Беляев. И за недобор зерна в первую очередь следовало спросить с него.

Выбитый из колен

Впрочем, Николая Беляева не выкинули из обоймы. Ему предложили возглавить крупнейший зерновой регион России — Ставрополье. Со стороны это выглядело странно. Как так — человек в одной житнице работу завалил, а его решили перебросить в другую?

Представлять Беляева в Ставрополь прибыл секретарь ЦК КПСС Петр Поспелов, который сам держался на волоске. Он сообщил:

На пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС Центральный Комитет нашей партии рекомендует т. Беляева Николая Ильича.

Известно, что на декабрьском пленуме ЦК партии т. Беляев как первый секретарь ЦК компартии Казахстана был подвергнут острой и справедливой критике в выступлении тов. Н. С. Хрущева

за серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйством, которые привели к большим потерям урожая при сборке. Были и другие серьезные недостатки, например, в руководстве промышленностью, строительством важнейших промышленных объектов. Надо сказать, что в Казахстане сейчас развернуто большое и очень важное строительство в разных отраслях.

Т<ов>. Беляев, как указал Президиум ЦК, и сам признает, что он не справился с руководящей работой такого масштаба. Я полагаю, что т. Беляев сам скажет о допущенных им ошибках и серьезных недостатках в работе.

Вместе с тем Центральный Комитет нашей партии считает, что т. Беляев заслуживает партийного доверия и рекомендует его на руководящую партийную работу в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС.

Т<ов>. Беляев ряд лет руководил Алтайской краевой партийной организацией, справлялся с работой.

Условия Ставропольского края во многом сходны с Алтайским краем. Есть все основания полагать, что т. Беляев справится с задачей руководства партийной организацией Ставропольского края, имеющего большое значение в экономике нашей страны и большие перспективы, и оправдает доверие Центрального Комитета и Ставропольской партийной организации.

Возможно, Николай Беляев смог бы мобилизоваться в Ставрополе и проявить себя на новом месте как крупный организатор. Но его выбил из колеи состоявшийся 4 мая 1960 года Пленум ЦК КПСС, на котором его лишили членства в Президиуме ЦК. Вместе с ним «вылетел» из Президиума ЦК и его давний недруг Кириченко. Тогда как другой недоброжелатель Брежнев, наоборот, усилился.

После майского Пленума Н. И. Беляев быстро поник. Работавший тогда секретарем Ставропольского крайкома комсомола Михаил Горбачев впоследствии вспоминал:

Производил он впечатление человека совершенно потерянного, выбитого из колеи, прибывшего как бы в ссылку.

В итоге Николай Беляев в конце июня 1960 года сам попросил отпустить его на пенсию. Партии и народу всех причин, приведших к увольнению недавнего ставленника Хрущева, не сообщили. По стране поползли слухи.

28 июля 1960 года вопросы о судьбе Беляева и Кириченко возникли на встрече главного идеолога КПСС Михаила Суслова с активом Ленинградской областной парторганизации.

Суслов ответил: «...они не справились, не по плечу работа оказалась. Работа Беляева была раскритикована на двух пленумах ЦК партии. Об этом все хорошо знают. Но когда их отставили от обязанностей — одного от обязанностей секретаря ЦК, а другого от обязанностей первого секретаря ЦК Казахстана, естественно, возник вопрос, что им делать в Президиуме ЦК. Ведь обязанности члена Президиума ЦК не пожизненны. ЦК счел необходимым их вывести, потому что не требовалось по работе, чтобы они находились в Президиуме. Я думаю, что пленум ЦК партии поступил правильно» (РГАНИ, ф. 81, оп. 1, д. 192, л. 116).

Выйдя на пенсию, Беляев вернулся в Москву в свою квартиру в правительственном доме на Кутузовском проспекте, 26 и больше политикой не занимался.

Последнюю точку в его судьбе поставила трагедия, случившаяся 28 октября 1966 года. Вышедшего из дома на улицу отставника на смерть сбила проезжавшая мимо машина. Однако руководство страны решило скрыть этот факт от народа. Официально было сообщено, что Н. И. Беляев умер после долгой продолжительной болезни.

В день автокатастрофы зам заведомом оргпартрabоты ЦК КПСС Николай Петровичев и управделами ЦК КПСС Георгий Павлов предложили организовать похороны Беляева 31 октября на Новодевичьем кладбище. На их записке осталась пометка: «С членами Политбюро ЦК согласовано на заседании 28 октября 1966 года. Сообщил т. Черненко К. У.». Подпись: М. Соколова (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 6, л. 51). Черненко тогда заведовал общим отделом ЦК КПСС, а Соколова вела делопроизводство в Политбюро.

